
Анастасия Говорова
Сон на яву

Анастасия Говорова

Сон на яву

https://litres.ru/74717073
SelfPub; 2026

Аннотация

Я не хотела идти на эту вечеринку. Но она стала моим билетом в другой мир. Пробуждение в незнакомом месте, где законы привычной жизни не действуют, заставило меня искать выход. Единственный шанс вернуться домой – это пойти на сделку с королем Демонов. Но в этом новом мире всё имеет свою цену, и моя сделка оказалась лишь началом непростого пути.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 24
Глава 3 50
Г 71
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Анастасия Говорова
Сон на яву

Глава 1

Надеть это или то — вот в чём вопрос.

Я стояла перед крошечным зеркалом над умывальником и разглядывала свою единственную нарядную блузку с видом человека, которому предстоит надеть парашют сомнительного происхождения. Белая, с кружевным краем, слегка мятая — Анна два раза предлагала разгладить её утюгом, я оба раза говорила «и так сойдёт», и вот теперь «и так» выглядело именно как «и так».

— Амелия, мы опаздываем уже на двадцать минут, — донеслось из-за спины.

— На вечеринку нельзя опоздать. На вечеринку можно прийти позже, чем алкоголь. — Я натянула блузку через голову и уставилась в зеркало. — Ничего, что мы ещё не опередили алкоголь?

Анна возникла в дверном проёме, уже в туфлях и с блеском для губ в руке. Она всегда была такой — готовой на пять минут раньше, чем объявляла о готовности, с лёгкостью человека, которому праздник не стоит никакого внутреннего усилия.

— Ты опять ворчишь, — сказала она с той интонацией, которая означала не упрёк, а диагноз.

— Я констатирую факты. Это разные вещи.

Я оглядела нашу комнату — маленький прямоугольник, который мы умудрились разделить на две половины, почти не конфликтуя. На моей стороне стопки учебников по истории занимали всё свободное пространство: на столе, на подоконнике, вперемежку с конспектами и закладками из бумажных полосок. Феодальные войны, хроники Каролингов, что-то про ритуальные практики средневековья — стопка у кровати. Анна однажды сказала, что ночевать рядом со средневековыми ритуальными практиками она бы не смогла. Я ответила, что привыкаешь.

Туфли мои жили под кроватью. Я извлекла их оттуда, смахнула пыль и постаралась не думать, когда последний раз надевала.

— Ты всё-таки рада, что идёшь, — сказала Анна. Не вопрос — снова диагноз.

— Я рада, что иду с тобой. Это не одно и то же.

— Ты такая романтичная, когда хочешь.

— Ещё одно слово, и я останусь дома с Каролингами.

Анна засмеялась и не сказала больше ни слова. Это был один из немногих людей на свете, которые умели молчать именно тогда, когда надо, — и говорить именно тогда, когда иначе было бы совсем темно.

Я снова повернулась к зеркалу.

Блондинка с голубыми глазами смотрела на меня с видом лёгкого удивления, как будто сама не понимала, чего ждёт от вечера. Тонкое лицо, блузка с кружевным краем, волосы убраны — более-менее. Не то чтобы я заботилась о впечатлении. Просто... Анна потратила двадцать минут на мои волосы, и выглядело это слишком хорошо, чтобы испортить.

Детский дом не учит многому, что пригождается на вечеринках. Он учит рассчитывать на себя, не ждать, что кто-то запомнит твой день рождения, и не привязываться к вещам, потому что вещи теряются. Ещё он учит немного бояться шума и чужих людей в замкнутом пространстве, хотя это уже не то, что принято говорить вслух.

Я не говорила вслух. Я просто не любила вечеринки.

Но Анна любила. И это, честно говоря, весило больше, чем всё остальное.

— Готова? — спросила она.

— Почти. — Я взяла с тумбочки помаду, подержала в руках и положила обратно. — Теперь готова.

— Помаду не берёшь?

— Помада создаёт ожидания.

— Боже мой, — сказала Анна с чувством.

— Именно.

Мы вышли в коридор. Общежитие в пятницу вечером гудело: откуда-то снизу доносилась музыка, из-за чужих дверей — голоса, смех, чей-то громкий спор на тему, кто должен купить ещё один пакет чипсов. Запах чужой еды, чужих

духов и чуть-чуть — старой краски со стен.

Я шла рядом с Анной и думала, что это, наверное, и есть нормальная жизнь. Та, которую показывают в фильмах: общежитие, пятница, вечеринка, молодость. Я про себя иногда проверяла — чувствую ли я это. Обычно не очень. Но Анна шла рядом, и в этом было что-то настоящее.

На лестнице я притормозила. Не потому что устала или передумала.

Просто на секунду стало как-то... тихо внутри. Слишком тихо, неуместно — посреди всего этого шума.

Я не умею объяснять такие вещи. Назову это интуицией — хотя интуиция, по-моему, слово для тех, у кого есть время её слушать. У меня времени не было. Анна уже оглядывалась с нижней ступеньки.

— Ты идёшь?

— Иду, — сказала я и пошла.

Тишина внутри никуда не делась. Я просто перестала на неё реагировать.

* * *

Вечеринка ревела.

Не просто играла — именно ревела: низкочастотный бас, от которого вибрировал пол под ногами, слоился поверх чьих-то голосов, поверх смеха, поверх звона стекла. Запах алкоголя и сладковатых духов стоял так густо, что казался почти осязаемым — войти в него было всё равно что шагнуть в чужую комнату без стука.

Я вошла.

Стены съёмной квартиры на третьем этаже давно исчезли за спинами людей — их было слишком много для такого пространства, и все они куда-то двигались, что-то говорили, что-то хотели. Свет мигал в такт музыке. Чей-то локоть прошёлся по моему плечу, я отстранилась, наступила кому-то на ногу, извинилась автоматически. Человек уже не слышал — он смотрел в другую сторону, смеялся над чужой шуткой.

Нормальная жизнь. Пятница. Всё как надо.

Анна исчезла почти сразу — я ещё не успела взять бокал, а она уже таяла в толпе, как сахар в горячей воде: сначала мелькнули рыжие волосы, потом её смех — и всё. Была — и нет. Я не обиделась. Анна умеет растворяться в веселье так же легко, как я умею в нём тонуть.

Я взяла с подноса что-то красное, предположительно некрепкое, и отошла в сторону.

Стратегическая позиция у стены — классика жанра для тех, кто пришёл сюда не совсем добровольно. Отсюда хорошо видно весь зал: пары, которые ещё не решили, пары, которые уже решили, компании, объединённые одним общим ничем, и несколько одиноких фигур с таким же, как у меня, выражением человека, который просто держит бокал, потому что без него совсем уж неловко.

Я мысленно поставила им всем по зачёту.

Студентка справа смотрела в телефон с видом глубокой сосредоточенности — наверняка переписывалась с кем-то,

кого здесь не было. Двое у дивана спорили о чём-то с жестикуляцией, из которой следовало, что дело серьёзное, — скорее всего, о том, кто виноват, что они здесь. Парень с дредами пытался открыть бутылку зубами. Бутылка не поддавалась. Он не сдавался.

Я сделала глоток. Кисловато. Точно некрепкое.

Где-то в районе локтя что-то произошло — сначала толчок, потом холодное и мокрое по запястью, и чуть-чуть — по краю блузки.

— Блин, — сказал чей-то голос над ухом. Весёлый такой голос, необидчивый. — Прости, я не специально, тут просто не пройти.

Я опустила взгляд на запястье. На белом кружевном краю — пятно. Небольшое. Липкое.

— Ты пролил на меня напиток, — сказала я.

— Ну да, я же сказал — прости. — Голос всё ещё был весёлый. Высокий парень, тёмная футболка, вид человека, которому в жизни всё легко даётся без усилий. — Выдыши, это же вечеринка.

Что-то внутри меня щёлкнуло. Тихо, но отчётливо.

— «Выдыши» — это даже не слово, — сказала я. — И то, что это вечеринка, не означает, что ты можешь лить на людей напитки и ожидать аплодисментов.

Парень моргнул. Потом сделал шаг назад — не оскорблённо, а скорее с видом человека, который решил, что игра не стоит свеч. Нормальная реакция. Я была бы удивлена, ес-

ли бы он остался спорить.

Маленькая победа.

Я посмотрела на неё изнутри и не почувствовала ничего особенного. Просто стало немного тише в той части себя, где обычно живёт раздражение.

Вытерла запястье краем салфетки, которую нашла на ближайшем подоконнике. Снова отошла к стене.

Бокал к этому времени опустел почти наполовину — я пила медленно, машинально, думая о том, что завтра в десять семинар по франкской монархии и я не перечитала последний параграф про Каролингов, и надо было это сделать сегодня, а не стоять тут с кислым напитком и мокрым запястьем, и...

Свет.

Я не сразу поняла, что именно не так. Просто угол комнаты — левый, за торшером, там, где никого особенно не было — вдруг стал слишком ярким. Не от лампы. Лампа там была самая обычная, тусклая даже. Но свет пульсировал — медленно, как дыхание, — и был каким-то неправильным по цвету: не белым и не жёлтым, а чем-то между, с оттенком, который я не смогла бы назвать.

Я смотрела на него несколько секунд.

Вокруг всё продолжалось: музыка, голоса, смех, чей-то тост. Никто больше не смотрел в тот угол. Никто вообще туда не смотрел.

Я моргнула.

Свет исчез. Угол как угол — торшер, чья-то куртка на стуле, стакан на полу.

Усталость. Или эта кислятина оказалась крепче, чем выглядела. Я покрутила бокал в руках — нет, там оставалось меньше половины, и я пила медленно. Просто шум, свет, толпа. Просто организм, который не очень любит всё это.

Я сделала ещё один глоток.

Вкус был тот же — кислый, немного сладкий. Запах духов и алкоголя никуда не делся. Музыка продолжала давить на уши.

Всё было нормально.

Я снова посмотрела в угол — на всякий случай, по привычке человека, который привык проверять — и не увидела ничего, кроме торшера и чужой куртки.

Конечно.

* * *

Головокружение пришло незаметно.

Сначала я решила, что это просто духота. Слишком много людей в слишком маленьком пространстве, слишком громкая музыка, слишком много запахов одновременно — дешёвые духи, пиво, чей-то табак на одежде. Вполне достаточно, чтобы голова поплыла. Я сделала ещё глоток из бокала и почувствовала, как тепло разливается по горлу — медленнее, чем должно, как будто просачивается внутрь, а не стекает.

Это было не от напитка.

Я это знала. Алкоголь работает иначе — он расслабляет,

затуманивает края. А это было другое: тепло шло изнутри, откуда-то из середины грудной клетки, и двигалось по рукам к кончикам пальцев, как будто кто-то медленно поворачивал регулятор. Звуки вечеринки начали отступать — не глохнуть, а именно отступать, как будто комната стала больше и музыка теперь играла из другого угла, дальше, чем секунду назад.

Я поставила бокал на подоконник.

Анна. Где Анна.

Я повела взглядом по комнате — слишком много лиц, слишком много движения, всё слилось в тёмно-пёструю массу с мигающими огнями над головой. Анна была в красной блузке, я точно помнила — красная блузка, убранные волосы. Я искала этот красный цвет в толпе и не находила. Люди двигались, смеялись, кто-то прошёл прямо передо мной и не заметил, что я стою, почти не дышу, и пытаюсь понять, почему пол под ногами кажется чуть менее настоящим, чем пять минут назад.

Надо выйти на воздух. Просто выйти, и всё пройдёт.

Я оттолкнулась от стены и сделала шаг в сторону прихожей.

Ноги не послушались.

Не в том смысле, что я упала — нет, я устояла, схватившись за чей-то рукав и, кажется, получив в ответ удивлённый взгляд. Просто ноги стали чужими. Тяжёлыми, ватными, как во сне, когда бежишь и не можешь сдвинуться с ме-

ста. Я сделала второй шаг — медленнее, осторожнее — и почувствовала, как тепло в груди вспыхнуло сильнее. Резко. Почти болезненно.

Это не духота.

Мысль была короткой и очень трезвой посреди всего остального. Это не алкоголь, не усталость и не духота, и я не знаю, что это такое, но мне нужно сесть, или выйти, или найти Анну, или —

Свет.

Не снаружи. Не от ламп, не от мигающих гирлянд над барной стойкой. Изнутри — как будто за глазами что-то вспыхнуло, белое и абсолютное, без теней и краёв. Я зажмурилась — бесполезно, свет не исчез, он был там, под веками, наполнял черепную коробку, как вода наполняет стакан.

И голос.

Низкий. Очень низкий, такой, что я скорее почувствовала его, чем услышала — как инфразвук, как что-то, что резонирует в костях. Он произнёс несколько слов. Я не знала этого языка — не могла знать, была уверена в этом, — но слова легли в сознание как команда, которую не нужно переводить. Не угроза. Не просьба. Просто приказ, произнесённый тоном, который не предполагал ни обсуждения, ни сопротивления.

Я почти подчинилась.

Именно это меня и разозлило.

Злость была настоящей — острой, знакомой, она ударила

изнутри резче, чем тепло в груди, и на долю секунды я почти выровнялась. Только не здесь. Только не так. Не в чужой квартире, не под дурацкую музыку, не потому что какой-то голос в голове решил, что имеет право.

Я открыла рот — сказать что-то, позвать Анну, выругаться вслух, что угодно —

Пол пошёл навстречу.

Последнее, что я зафиксировала — чья-то рука, не успевшая поймать меня, и собственная мысль, упрямая до последнего: *Это несправедливо.*

Потом — темнота. Полная, глухая, без дна.

* * *

Я очнулась.

Не постепенно, не сквозь ватный туман — сразу, резко, будто кто-то щёлкнул выключателем. Глаза открылись сами, и первое, что я увидела — потолок.

Каменный. Высокий. С резьбой, которой никогда не бывает в студенческих общежитиях и съёмных квартирах — сложный растительный орнамент, уходящий к центру, где в кольце из переплетённых стеблей висел светильник. Не лампа. Что-то похожее на хрустальный шар, заполненный светом изнутри — ровным, холодноватым, без нити накаливания.

Я уставилась в этот потолок секунд пять, не меньше.

Потом медленно повернула голову.

Шторы — бордовые, тяжёлые, до самого пола — задёрнуты. Из-под них пробивается что-то похожее на свет, но не

солнечный, не электрический — другой. Между шторой и стеной промежуток в ладонь, и этот свет оттуда желтоватый, неравномерный, живой. Как огонь.

Запах. Вот что я учуяла следом — незнакомый, многослойный. Что-то сухое и горьковатое, как трава, которую жгут на поле; что-то тёплое, смолистое, почти сладкое. Не больница. В больнице пахнет хлором и старым пластиком, я знаю это наизусть — детдом возил нас на ежегодные осмотры. Здесь не было ничего хлорного. Здесь не было вообще ничего знакомого.

Я села.

Тело послушалось — вот что было странным. Ни головокружения, ни тошноты, ни той ватной беспомощности, с которой я падала там, на вечеринке. Голова ясная, мышцы работают, руки — мои, не чужие. Это меня насторожило больше, чем если бы я не могла пошевелиться.

Я огляделась.

Комната — нет, не комната. Покои. Слово само пришло в голову, потому что другое сюда не подходило. Огромное пространство с высоченными стенами из тёмного камня, тщательно обработанного, но всё равно тяжёлого, давящего. Мебель — резная, массивная, из дерева такого тёмного, что почти чёрного. Кровать, на которой я лежала, была с балдахином, и балдахин был из того же бордового бархата, что шторы. Стол. Кресла. Что-то вроде шкафа, только без привычных ручек.

Роскошь. Чудовищная, нечеловеческая роскошь — и именно это слово я поняла не сразу. Нечеловеческая. Пропорции были чуть не теми. Всё немного больше, чем нужно, немного тяжелее, немного темнее. Как будто это место строили существа, у которых другой масштаб.

Я встала.

Пол под ногами оказался тёплым — камень, но тёплый, что само по себе было невозможно. Я прошла к окну, отдёрнула штору.

И остановилась.

За окном не было улицы. Не было двора, не было соседнего дома, не было вообще ничего из того, что должно быть за окном в городе. За окном была гора — точнее, я стояла где-то высоко на горе, и склон уходил вниз круто и далеко, поросший чем-то тёмным, не похожим ни на один лес, который я видела. А далеко внизу, там, где гора переходила в долину, светились огни.

Город. Незнакомый. Чужой.

Я подняла взгляд — и вот тут паника ударила по-настоящему.

Небо. Ночное, очень тёмное, почти фиолетовое — и в нём две луны. Не одна. Две. Разного размера, разной яркости, одна чуть ниже другой.

Я отступила от окна.

Сердце колотилось где-то в горле, руки похолодели, и несколько секунд я просто стояла посреди чужой комнаты и

дышала — медленно, потому что если не дышать медленно, то следующим шагом будет истерика, а истерика мне сейчас совершенно не поможет.

Хорошо. Ладно. Две луны. Это просто... два небесных тела. Бывает. Наверное.

Злость пришла раньше, чем я успела додумать эту мысль — хлынула откуда-то снизу, из живота, привычная и острая. Я знала этот механизм, знала его с детства: страх становится злостью, злость становится действием, действие даёт иллюзию контроля. Может, и иллюзию — но это лучше, чем ничего.

Я начала методично осматривать стены.

Справа — шкаф, встроенный, без щелей. Слева — гобелен, за которым я нашла голый камень. Дверей было две. Первая — массивная, деревянная, с бронзовой ручкой в виде скрученной фигуры — не поддалась. Заперта снаружи: я почувствовала, как что-то там держит, не замок даже, что-то другое, глухое. Я дёрнула ещё раз — бесполезно.

Вторая дверь открылась.

За ней оказалась ванная. Если это слово вообще подходило — мраморный пол, огромная чаша для купания, врезанная прямо в пол, и вода. Вода текла по стене тонкой завесой — сама, без кранов, без труб, без видимого источника. Просто текла, собиралась в желобок и уходила куда-то вниз.

Я потрогала. Тёплая.

— Ну разумеется, — сказала я вслух, потому что молча-

ние начинало давить.

Над чашей висело зеркало — большое, в раме с той же резьбой, что на потолке. Я подошла и посмотрела на себя.

Красная блузка — та самая, с вечеринки. Волосы растрепались, но не так уж сильно. Лицо — бледное, но живое. Глаза смотрят из зеркала с таким выражением, которое я у себя знала: не испуганное, уже нет — собранное, острое, слегка злое.

— Ладно, — сказала я своему отражению. — Разберёмся.

Отражение не возразило. Я вернулась в комнату.

Первая дверь никуда не делась. Я подошла к ней, примерилась, постучала — три раза, требовательно, костяшками пальцев по дереву. Дерево было такое толстое, что звук почти потонул в нём. Подождала. Тишина.

Постучала снова — громче, с нарастающим раздражением.

— Эй. — Голос мой прозвучал ровно. — Я знаю, что там кто-то есть. Откройте.

Тишина.

— Слушайте, я не знаю, кто вы и что происходит, но у вас примерно минута, прежде чем я начну ломать эту дверь подручными средствами, — сообщила я в деревянную панель. — А средства здесь, я гляжу, подходящие. Вон тот стул выглядит перспективно.

Ничего.

Но не пустая тишина — вот что я почувствовала, присло-

нившись ухом к двери. Там было что-то. Присутствие, которое не дышало, не двигалось, но было. Как когда стоишь в тёмной комнате и знаешь, что не одна — не потому что слышишь, а просто знаешь.

Я отняла ухо от двери и уставилась в неё.

За ней молчали. Но я была совершенно уверена: за ней слушали.

* * *

За дверью слушали — это я знала точно. А раз слушали, значит, в конце концов откроют.

Я отступила на шаг, скрестила руки на груди и стала ждать.

Долго ждать не пришлось.

Замок — или что там держало дверь — щёлкнул тихо, почти деликатно. Дверь отворилась внутрь, и в проёме появилась девушка.

Я уставилась на неё. Она уставилась на меня.

Первое, что я отметила — красота. Не та растиражированная, журнальная, а какая-то другая: чистая, почти архаичная, как у статуй, которые слишком совершенны, чтобы быть живыми. Тёмные волосы собраны у затылка, кожа — оливковая, смуглая, без единого изъяна. Она была примерно моего возраста, хотя в этом я уже не была уверена ни в чём.

Потом я увидела глаза.

Тёмные — это мягко сказано. В них не было белков. Совсем. Радужка, зрачок и темнота — сплошная, бездонная,

как провал. Я моргнула. Глаза никуда не делись.

И тогда я разглядела то, что скрывалось под волосами у неё на лбу. Два небольших изгиба — едва заметные, почти декоративные — выступали над кожей. Рожки.

Самые настоящие рожки.

Рожки, — сказал мой внутренний голос очень спокойно и очень отчётливо. *Окей. Рожки. Просто рожки. Дышим.*

Я выдохнула через нос.

— Дышим, — повторила я беззвучно, одними губами.

Девушка чуть наклонила голову — жест не угрожающий, скорее вопросительный.

— Ты в безопасности, — сказала она.

Я её поняла. Это само по себе было странно — потому что язык звучал не как русский и не как английский, не как что-либо, что я когда-либо слышала. Но смысл проникал прямо в голову, без усилий, как будто слова просто знали, куда идти.

— Тебе принесут еду, — добавила она. — Отдохни.

— Подожди, — сказала я.

Она остановилась.

— Где я?

Девушка помолчала секунду — не нервно, а как будто взвешивая, сколько именно сказать.

— В безопасном месте.

— Это ты уже говорила, — сообщила я. — Меня интересует конкретика. Город, страна, планета — в порядке убывания амбиций.

Что-то в тёмных глазах мелькнуло — не совсем смех, но близко к нему.

— Это Анкорапир, — сказала она. — Государство Террания.

— Анкорапир, — повторила я, пробуя слово на вкус. Оно было незнакомым, плотным. — Это не Земля.

Не вопрос — утверждение. Девушка не стала делать вид, что я ошиблась.

— Нет.

— Отлично, — произнесла я. Голос прозвучал удивительно ровно. Внутри что-то качнулось — я удержала это «что-то» за шиворот и не дала ему развернуться. Потом. Потом можно будет паниковать, а сейчас нет времени. — Как я сюда попала?

— Я не знаю.

— Кто знает?

Пауза.

— Возможно, его величество.

Его величество. Хорошо. Значит, где-то здесь есть «его величество».

— Чей дворец? — спросила я, хотя уже начинала догадываться.

— Короля Эрика. — Девушка произнесла это имя так, как произносят имена, к которым привыкли с рождения — без интонации, без пафоса, просто факт. — Ты находишься во дворце Террании. По его приказу.

По его приказу.

Я переварила это. Кто-то, о ком я не знала ровным счётом ничего, распорядился, чтобы меня — *меня* — доставили сюда и заперли в комнате с магической водой и мраморными полами. На другой планете. В другом мире.

Отлично. Просто прекрасно.

— По его приказу, — повторила я медленно. — Значит, мне нужно поговорить с этим вашим королём.

Девушка замерла.

Потом посмотрела на меня так, как смотрят на человека, который только что сказал что-то одновременно очевидное и совершенно невозможное. В тёмных безбелковых глазах промелькнуло что-то похожее на изумление — настоящее, неподдельное. Как будто я заявила, что собираюсь прогуляться по потолку.

— Ты хочешь... аудиенции, — произнесла она осторожно. Слово «аудиенция» прозвучало так, будто она примеряла его к ситуации и не была уверена, что оно подходит.

— Я хочу объяснений, — поправила я. — И выхода отсюда. Аудиенция — это для тех, кто просит. Я намерена разговаривать.

Девушка смотрела на меня ещё секунду. Потом — и я готова была поклясться, что не ошибаюсь — в уголке её рта что-то дрогнуло. Не улыбка. Почти улыбка. Что-то, что улыбкой могло бы стать при других обстоятельствах.

— Я передам, — сказала она наконец. Голос был ней-

тральным. Слишком нейтральным.

— Хорошо.

Она кивнула и шагнула назад — к двери.

— Подожди, — окликнула я снова. — Как тебя зовут?

Секундная пауза. Как будто вопрос был неожиданным.

— Лира, — ответила она.

— Амелия, — сказала я. — Просто чтобы ты знала, как меня называть. Не «она», не «гостья» и не что там ещё вы используете.

Лира снова посмотрела на меня — долго, с тем же неочевидным выражением в глазах.

— Хорошо, Амелия, — сказала она тихо. И закрыла дверь.

Я стояла посреди комнаты. Замок щёлкнул снова — мягко, неизбежно.

Анкорапир. Террания. Король Эрик.

Имя незнакомое. Власть очевидная. И я здесь по его приказу.

Я подошла к окну, раздвинула тяжёлые шторы и посмотрела на город внизу — на далёкие огни, на чужое небо с чужими звёздами, расположенными не там, где им следовало быть.

Мне нужно поговорить с этим вашим королём.

Лира смотрела на меня так, словно я не понимала — совсем не понимала — с чем именно собираюсь разговаривать.

Может, и не понимала. Но узнаю.

Глава 2

Советники ушли час назад. А может, два — я не следил.

Зал для аудиенций давно опустел, но я остался. Сидел в кресле во главе длинного стола, который мои архитекторы когда-то строили с расчётом на то, чтобы те, кто приходит ко мне, чувствовали расстояние. Мрамор, золото, тяжёлые колонны — всё это работает. Советники входят с прямыми спинами, выходят с согнутыми.

Сегодня они говорили долго. О границах с Северным Пределом, о зерновых поставках через реку, о том, что соседний правитель снова испытывает своё право на мелкие провокации. Я слушал. Решал. Молчал, когда они ждали слов, — молчание в нужный момент значит больше любого приказа. К концу четвёртого часа в их голосах появилась та тихая усталость, которую они никогда не позволяли себе показывать в начале.

Я отпустил их. И остался один.

Это привычное состояние. Единственное, пожалуй, которое я ни разу не пытался изменить.

Огонь в камине догорал — прислуга не решалась войти и подбросить дров, пока я здесь. Я смотрел на угасающие угли и не думал ни о чём. Просто сидел. Это тоже умение, которое вырабатывается за два с половиной века, — умение не думать и не чувствовать ничего лишнего. Власть требует

чистой головы. Всё остальное — помехи.

Дверь открылась.

Я не повернулся. По лёгким шагам — быстрым, но сдержанным — я узнал Лиру прежде, чем она успела произнести слово. Она была приставлена к новой гостье. Значит, гостья пришла в себя.

— Говори, — сказал я, не меняя позы.

Лира остановилась на расстоянии, которое слуги инстинктивно соблюдают — достаточно далеко, чтобы не мешать, достаточно близко, чтобы слышать тихий голос.

— Она в сознании, мой король. Пришла в себя некоторое время назад. — Пауза, короткая, но я её заметил. — Она назвала своё имя. Амелия. И просила передать вам... — Ещё одна пауза. Лира подбирала слово. — Запрос. На разговор.

Я наконец повернул голову.

— Запрос, — повторил я.

— Да, мой король.

Что-то в интонации Лиры было не тем. Слишком выверенным. Так говорят, когда хотят передать точно сказанное, но боятся, что точное — не то, что ждут услышать.

— Она именно так сформулировала? — спросил я.

Лира помолчала долю секунды дольше, чем следовало.

— Она сказала, что намерена разговаривать. Не просить аудиенции. Разговаривать. — Голос Лиры остался ровным, но я слышал в нём что-то тщательно спрятанное. — И она добавила, что ей нужны объяснения и выход отсюда.

Выход отсюда.

Объяснения.

Я откинулся в кресле и несколько секунд смотрел в огонь. Угли пульсировали тёмным оранжевым — почти погасшим. Значит, существо из другого мира очнулось в незнакомых покоях, на чужой планете, окружённое слугами-демонами, которых прежде никогда не видело, — и первое, что оно сделало, это потребовало разговора с королём.

Не впало в панику. Не умоляло. Потребовало.

Я ждал от себя раздражения. Это была бы правильная реакция — единственная, которую я допускаю, когда кто-то путает просьбу с требованием в моём дворце. За двести пятьдесят лет я выработал на это почти рефлекс: раздражение, холодная точность, возвращение человека на место.

Раздражения не было.

Было что-то другое. Острое и неудобное, как заноза под кожей. Я не сразу его опознал — слишком давно оно появлялось в последний раз. Потом понял.

Интерес.

Живой, незапланированный, неуместный. Мне не должно быть интересно ничего, что происходит в гостевых покоях. Существо из другого мира — любопытный факт, не более. Я приказал держать его при дворце из прагматичных соображений: неизвестное надо изучить прежде, чем отпустить. Это был разумный приказ.

А то, что я сейчас чувствовал, разумным не было.

— Как она выглядит? — спросил я. Голос вышел ровным. Я умею это.

Лира чуть помедлила.

— Молодая. Человеческий облик, мой король. Небольшого роста. — Пауза. — Смотрит прямо.

Последнее она добавила тихо, почти как примечание. Но именно это я и услышал отчётливее всего.

Смотрит прямо.

В мои покои люди входят с опущенными глазами. Дипломаты, советники, наложницы, стража — все знают, что взгляд в глаза королю Террании требует либо разрешения, либо готовности к последствиям. Это не страх в чистом виде. Это знание.

А это существо — Амелия — не имело этого знания. И смотрело прямо.

Я встал.

Лира не ожидала этого — я почувствовал, как она замерла, хотя не смотрел на неё. Она, должно быть, думала, что я отдам приказ — привести, охраднять, ждать утра. Что-то разумное, что соответствовало бы протоколу.

Я шагнул к двери.

— Мой король... — начала Лира осторожно.

— Ступай, — сказал я.

Она умолкла.

Я шёл по коридору один — без стражи, без свиты, без объяснений самому себе. Факелы на стенах отбрасывали длин-

ные тени. Камень под ногами был холодным даже сквозь подошву — ночью дворец всегда остывал быстро, слишком большой, чтобы держать тепло.

Рационального объяснения тому, что я делаю, не было. Я мог послать кого угодно. Мог вызвать её к себе завтра. Мог вовсе не реагировать на «требование» смертной, которая оказалась в моём дворце по стечению обстоятельств, которые я ещё не успел полностью изучить.

Мог.

Но она потребовала разговора — и я шёл.

Это было первым за долгое время, что я делал не из соображений власти или стратегии. Просто потому что хотел посмотреть на существо, которое проснулось в чужом мире и, вместо того чтобы испугаться, начало выдвигать условия.

Мне хотелось знать, каким будет её взгляд, когда она увидит меня.

* * *

Дверь я открыл без стука.

Не из грубости — просто потому что не привык стучаться в собственных покоях. Каждая комната в этом дворце была моей. Каждый коридор, каждый камень в стене, каждый факел в кованом держателе. Я не спрашиваю разрешения войти в то, что принадлежит мне.

Но она стояла посреди комнаты.

Не у окна. Не у стены, прижавшись к ней спиной, как делают люди, которых привезли в незнакомое место и которым

страшно — а они знают, что страшно, и тело ищет опору. Не у двери, что тоже было бы понятно: инстинкт, ближе к выходу. Она стояла в центре. Прямо. Руки свободны. Подбородок поднят.

Будто это её покои, а не мои.

Белая блузка — что-то из её мира, с кружевным краем по вороту — смотрелась странно на фоне тёмного камня и тяжёлых штор. Живое и неуместное одновременно. Как цветок, проросший не там, где должен.

Я остановился.

И ждал.

Это рефлекс, выработанный за два с половиной века: когда входишь, человек опускает взгляд. Не сразу, иногда — через мгновение борьбы с собой, если перед тобой кто-то с характером. Но опускает. Всегда.

Она не опустила.

Голубые глаза — светлее, чем я ожидал, почти прозрачные в свете факелов — смотрели прямо на меня. Без дрожи. Без той знакомой пелены испуга, которая застилает взгляд, когда человек наконец понимает, с кем разговаривает. Было в этом взгляде что-то острое. Что-то, что не убирало расстояние между нами, а, напротив, держало его как натянутую струну.

Вызов.

Я не испытывал удивления давно. Настолько давно, что почти забыл, как оно ощущается — не как мысль, не как

оценка, а физически: лёгкий толчок где-то в груди, будто что-то сдвинулось с привычного места. Неприятное чувство. Я его не планировал.

Несколько секунд мы молчали.

Потом я заговорил.

— Ты в моём дворце, — сказал я. — В моём мире. Под моей защитой. Пока это не изменилось, тебе ничего не угрожает.

Я не объяснял. Я никогда не объяснял — не потому что мне нечего сказать, а потому что объяснения превращают условия в переговоры. Это были условия. Простые и исчерпывающие.

Она открыла рот раньше, чем я закончил последнее слово.

— Я не просила вашей защиты.

Голос у неё оказался таким, как я и ожидал после рассказа Лиры — резким, живым, без того вежливого придыхания, которым здесь обычно говорят с королём. Но что-то в интонации всё равно зацепило: она не кричала. Не срывалась. Просто говорила чётко, будто за каждым словом стояло твёрдое намерение, а не паника.

— Я просила объяснений. И выхода.

Я посмотрел на неё.

Внутри поднялось раздражение — тихое, привычное, то, которое я умею держать под рукой, как инструмент. Смертные, которые требуют. Которые не понимают, в каком положении находятся. Которые видят перед собой мужчину —

пусть и с рогами — но не видят за ним ни веса власти, ни столетий, которые эту власть строили.

Она этого не видела.

И именно это раздражало сильнее всего.

Не её слова — слова были дерзкие, но не оскорбительные. Не тон — тон был резким, но в нём не было той злобы, которая требует ответа. Раздражало то, что под этим раздражением было что-то ещё. Что-то тёплое и совершенно нежелательное, похожее на любопытство, но острее. Я знал это ощущение — оно появлялось редко, и я никогда не был ему рад, потому что оно означало, что что-то нарушило мой порядок.

Она нарушила мой порядок.

Стояла посреди комнаты, смотрела прямо, говорила без страха — и этим простым набором действий, которые любой другой человек не посмел бы себе позволить, умудрилась стать чем-то, о чём я буду думать. Я уже знал это. Это было раздражительным знанием.

Я не ответил.

Развернулся и пошёл к двери.

За спиной — секунда тишины. Потом её голос — и в нём впервые за весь разговор что-то дрогнуло, не испуг, но ближе к нему, чем всё остальное:

— Вы уходите? Вот так просто?

Я не остановился.

— Именно так, — сказал я, не оборачиваясь.

Дверь закрылась за мной без звука. Камень коридора лежал под ногами холодный и ровный, факелы горели так же, как горели до этого, и всё вокруг было таким же, каким я его оставил несколько минут назад.

Но что-то изменилось. Тихо, без объявлений, как меняется воздух перед грозой — когда она ещё не началась, но уже чувствуется на коже.

Я шёл по коридору и не думал об этом.

Почти.

* * *

Коридор за её дверью был тем же, что и всегда.

Тот же серый камень под ногами, отполированный столетиями до почти зеркального блеска. Те же факелы в кованых держателях, пламя которых не колебалось — воздух в этом крыле дворца всегда был неподвижен. Та же темнота впереди, привычная и своя, та темнота, в которой я ориентировался с закрытыми глазами ещё с юности.

Всё было таким же.

Я шёл ровно — шаг за шагом, без спешки, которая могла бы выдать что угодно. Меня не видел никто, кроме двух стражников у поворота, и оба смотрели в пол при моём приближении так привычно, что я перестал это замечать лет сто назад. Лицо держал без выражения. Плечи — прямо.

Всё как всегда.

Кроме голоса у меня за спиной, который никуда не девался.

Вы уходите? Вот так просто?

Не испуганный. Не умоляющий. Даже не оскорблённый в полной мере — скорее изумлённый, как будто подобная невежливость застала её врасплох. Как будто она привыкла к тому, что уходящие хотя бы оборачиваются.

Я не оглянулся.

Это было правильным решением. Единственным возможным. И тем не менее — вот оно, слово, которое я не люблю — и тем не менее я слышал этот голос ещё три поворота спустя.

Я остановился у высокого окна, которое смотрело во двор. Внизу горели факелы вдоль конюшенного крыла, конюхи заканчивали вечернюю работу, кто-то перекликался в темноте. Обычный вечер. Обычный двор.

Я прислонился к холодному откосу и позволил себе одну минуту думать.

Существо из другого мира. Человек — и это уже само по себе достаточная странность, потому что люди к нам не попадают. Не так. Не вот этим образом — без ритуала, без договора, без чьей-либо воли, насколько я мог судить. Просто очнулась в моём дворце, смотрела на Лиру с тем видом, который бывает у людей, когда они пытаются понять, не сходят ли с ума, — и потребовала встречи с королём.

Потребовала.

Большинство моих придворных просят аудиенции письменно, через секретаря, и ждут неделями.

Она отправила Лиру за ответом так, будто речь шла о мел-

кой административной формальности.

Я провёл большим пальцем по каменному откосу. Камень был холодный, почти живой в своей постоянстве — дворец стоял на этой горе пятьсот лет и простоит ещё пятьсот после меня. Это всегда успокаивало. Постоянство архитектуры, постоянство иерархии, постоянство того простого факта, что в моём мире всё имеет своё место и своё поведение.

Она не знала своего места. Не потому что была дерзкой — хотя была. А потому что у неё не было здесь никакого места, вот в чём дело. Она пришла ниоткуда, не понимала правил, не знала, что за взгляд в глаза королю здесь платят разжалованием, и смотрела прямо — не из вызова, это было бы проще, — а просто потому что для неё это было нормой.

Это меня раздражало.

Это меня занимало.

Я не разграничивал эти два ощущения достаточно чётко, и это тоже было раздражительно.

Аномалии требуют изучения. Это не сентиментальность — это разум. Когда что-то появляется в твоём мире без объяснимой причины, ты не выбрасываешь это за ворота, ты смотришь, откуда оно взялось и что несёт с собой. Элементарная осторожность. Государственная необходимость, если угодно.

Именно это я и сказал себе.

Её глаза — голубые, как оказалось, и совершенно необычные по демонским меркам, без того бездонного чёрного, ко-

торое у нас считается красивым, — смотрели так, будто она видела передо собой не короля, а просто кого-то, кто ей мешает. Это было почти оскорбительно в своей наивности. И совершенно невозможно было не заметить.

Я оттолкнулся от откоса.

В коридоре появился Нерос — дежурный стражник этого крыла, немолодой демон с двумя шрамами поперёк лба, которому я доверял постольку, поскольку доверял вообще кому-либо.

— Существо из другого мира, — сказал я, — остаётся во дворце. Покои — те, в которых сейчас находится. Менять не нужно.

Нерос не поднял глаз. Ждал.

— Свобода передвижения — парки и сады. Не дальше. Лес — нет. Город — нет. Если захочет выйти за ворота — сопровождение и разворот. Мягко.

Последнее слово я добавил без объяснений. Нерос принял его без вопросов — он умел слышать то, что стоит за распоряжениями, и молчать об этом.

— Никто её не трогает. Никто к ней не подходит без моего разрешения. Лира остаётся при ней.

— Слушаюсь.

— Иди.

Он ушёл. Шаги затихли за поворотом, и коридор снова стал тем, чем был — пустым, тихим, моим.

Я вернулся к окну.

Город внизу горы жил своей ночной жизнью — огни в переулках, едва различимые голоса, что-то вроде музыки со стороны рынка. Террания не спала полностью никогда. Это было правильно. Живой город — живое государство.

Я смотрел на огни и думал не об огнях.

О том, как она стояла посреди комнаты — не у стены, не ближе к двери, а именно посреди, как будто выбрала точку, с которой удобнее держать под взглядом всё пространство сразу. О том, что в её голосе, когда она говорила *я просила объяснений*, было что-то, похожее на усталость — не слабость, нет, а усталость человека, который уже несколько часов держится и не позволяет себе сломаться.

Это она умела. Это было заметно даже без слов.

Ночь над городом была тёмной — наши луны сегодня скрылись за облаками, и темнота лежала плотная, почти осязаемая. Снизу не видели меня в окне. Сверху не было никого, кто мог бы смотреть.

Я стоял один и думал о существе из другого мира, которое потребовало у меня объяснений и не получило их — и которое, я был уверен, не простит мне этого просто так.

Это тоже было раздражительно.

Это тоже, против воли, было интересно.

* * *

Заседания совета я не любил с двадцати лет — с того дня, когда впервые сел во главе длинного стола и понял, что большинство из этих людей будут говорить мне правильные ве-

щи не потому, что думают правильно, а потому, что умеют читать, чего я хочу услышать.

С тех пор прошло больше двух веков. Ничего не изменилось.

Я сидел в кресле с прямой спинкой — специально неудобном, потому что удобство на совете расслабляет, а расслабленность читается как слабость — и слушал доклад Вэрена о торговых поставках вдоль восточной реки. Вэрен говорил хорошо: по существу, без лишних слов, с цифрами, которые он помнил наизусть и не врал в них намеренно. Это делало его одним из двух-трёх советников, чьё присутствие за этим столом я считал оправданным.

Остальных терпел.

За окном зала светало — наши два светила поднимались неравномерно, и в час, когда меньшее уже стояло высоко, большее только касалось горизонта. В такой свет всё выглядело тяжелее, чем есть на самом деле. Лица советников — тоже.

Я думал о том, что она сейчас делает.

Спит, вероятно. Существа из другого мира, насколько я знал из записей — а записей было немного, — не адаптировались к нашему ритму быстро. Смена светил сбивала их.

Или не спит. Сидит посреди комнаты — именно посреди, не у стены — и обдумывает, как требовать своего от следующего, кто войдёт в дверь.

Второе казалось мне вероятнее.

— …и если позволите, государь, — Вэрен закончил и отступил на шаг, давая слово следующему.

Следующим был Харод.

Харод был старшим в совете — не по должности, а по возрасту и по той особой уверенности, с которой старые демоны позволяют себе говорить дольше, чем нужно. Рога у него были тяжёлые, с широким изгибом — из тех, что у нас называют «родовыми»: порода, закреплённая веками. Он гордился этим молча, что было единственным видом гордости, который я уважал в нём хоть немного.

Харод раскрыл папку с бумагами. Посмотрел в неё. Закрыл — он всегда так делал, когда собирался сказать что-то, что не было написано ни на каком листе.

— Государь, — начал он, и тон был тот самый — осторожный, выверенный, как шаг по льду, который проверяют прежде чем наступить, — до совета дошли слухи, требующие прояснения.

Я не ответил. Это тоже было привычкой — молчать и смотреть, заставляя человека продолжать без опоры на мою реакцию.

— Говорят, — Харод на секунду остановился, — во дворце появился гость. Существо из другого мира. Человек. Женщина.

За столом стало тише. Не потому что кто-то замолчал — они и так молчали. Тише стало иначе: та особая тишина, когда несколько человек одновременно задерживают дыхание

и делают вид, что нет.

— Это не слухи, — сказал я.

Харод ждал. Остальные тоже ждали.

Я не добавил ничего.

— Государь. — Харод позволил себе чуть больше веса в голосе — ровно столько, сколько позволял его статус и сколько он, по своим расчётам, мог себе позволить. — Закон о престолонаследии и союзах недвусмыслен. Правитель Террании берёт в жёны демоницу. Присутствие при дворе... существа иного рода, — последние два слова он произнёс с аккуратным нейтралитетом, который был хуже любого презрения, — создаёт прецедент, способный...

— Харод.

Он остановился.

— Я слышал тебя.

Пауза, которую я выдержал после, была длиннее, чем требовалось для ответа. Длиннее, чем комфортна для человека, который привык читать в паузах согласие или хотя бы сомнение.

Здесь не было ни того, ни другого.

— Существо остаётся, — сказал я наконец. — Вопросы закрыты.

Никто не возразил.

Вэрен смотрел в стол. Молодой Дэсс — новый, третий год в совете — медленно убирал руки под столешницу, как будто они могли его выдать. Харод смотрел на меня прямо —

он умел это, и я ценил в нём эту черту отдельно от всего остального.

Но и он молчал.

Я обвёл взглядом стол — не торопясь, от одного лица к другому, — и каждый, кто встречался со мной глазами, смотрел первым вниз. Не из страха. Из понимания: решение принято, возражение здесь ничего не изменит.

Это было правдой. Возражение здесь ничего не изменило бы.

Но я видел — и знал это с той же точностью, с какой знал погоду по давлению воздуха над горой, — что они будут действовать иначе. Не здесь, не вслух, не со мной в лицо. Через слуг. Через письма в другие государства. Через тихие разговоры с теми, кого я не держу в ближнем кругу, но кто имеет влияние в городе.

Они умели ждать — все старые демоны умели ждать. Это был их главный инструмент.

— Продолжим, — сказал я.

Вэрен раскрыл следующий лист. Заседание пошло дальше — цифры, границы, поставки, мелкие территориальные вопросы на севере, которые тянулись уже полгода и не требовали немедленного решения, но требовали присутствия моего внимания, чтобы не разрастись.

Я слушал и отвечал там, где нужно было ответить.

И думал — негромко, на том уровне, где мысли не мешают словам, — о том, что беспокойство, которое я ощутил в паузе

после слов Харода, было не за себя.

Это было странно.

Я привык беспокоиться о Террании — о её границах, её торговле, её устойчивости. Иногда — о конкретных людях, которых ставил на должности и чья ошибка становилась моей. Это было рабочим беспокойством, понятным, управляемым.

То, что я почувствовал сейчас, когда Харод произнёс *существо иного рода* с этим своим аккуратным нейтралитетом, — было другим.

Она не знала, в каком мире оказалась. Не знала его законов, его правил, его тихих течений под поверхностью. Она стояла посреди комнаты и требовала объяснений у тех, кто не был обязан их давать, — и это было смело, но смелость без информации в нашем мире становилась уязвимостью быстро.

Советники будут действовать тихо. Я это знал.

Она не знала ничего.

Заседание закончилось за час до полудня. Советники откланялись — Харод последним, с тем выражением на лице, которое означало: разговор не окончен, просто перенесён. Я принял это без ответного жеста.

Когда зал опустел, я остался сидеть ещё минуту — не потому что нужно было думать, а потому что привык не торопиться после советов. Торопливость после решения выглядит как сомнение в нём.

Решение было принято.

Существо остаётся.

Я встал и вышел из зала.

* * *

Дверь её комнаты открылась без стука.

Я не задумывался над этим — не задумывался никогда, входя в любое помещение своего дворца. Каждая дверь здесь была моей дверью. Каждый порог — моим порогом. Это было так устроено задолго до сегодняшней ночи и не требовало пересмотра.

Она стояла у окна.

Спиной ко мне — и это само по себе было странно. В этой позе не было демонстративности, не было провокации, которую я мог бы поймать и назвать. Просто — стояла. Смотрела вниз на город, на огни у подножия горы, на ту темноту, что лежала между дворцом и горизонтом. Руки сложены на груди. Плечи прямые.

Она слышала, как я вошёл. Я был уверен в этом — она не дёрнулась, значит, не была застигнута врасплох. Но не повернулась.

Я остановился в трёх шагах от порога и ждал.

Она развернулась раньше, чем я успел что-либо сказать.

— Как я здесь оказалась. — Голос ровный, без вопросительной интонации — утверждение, которое требует ответа. — Почему меня здесь держат. И когда меня отпустят.

Три вопроса. Она произнесла их без паузы между собой

— чётко, как человек, который репетировал этот разговор и не позволит ему уйти в сторону.

Я смотрел на неё.

Голубые глаза — светлее, чем казалось утром, или это вечерний свет так ложился. Она была невысокой, тонкой — на первый взгляд казалась хрупкой, но в том, как она стояла, хрупкости не было ни на волос. Белая блузка с вечеринки, которую я видел краем — всё та же, мятая, и это тоже говорило о чём-то: она не попросила другой одежды. Не тратила время на это. Ждала разговора.

— Ты оказалась здесь, — сказал я, — потому что оказалась. Механика этого не является моей заботой объяснять.

Что-то мелькнуло в её лице — быстро, почти неуловимо. Не страх.

Я ждал следующих двух ответов от себя. Их не последовало. Не потому что я не знал, что сказать — а потому что я не привык давать объяснения там, где их не просили правом, а требовали тоном.

Она поняла моё молчание правильно. Или неправильно — зависело от того, с чьей стороны смотреть.

— Значит, нет. — Она сделала шаг вперёд. — Ты не собираешься отвечать.

— Нет.

— Отлично.

Она произнесла это слово так, что оно не означало «хорошо». В нём было всё что угодно, кроме согласия.

— Тогда послушай меня. — Голос изменился — стал горячее, живее, и в нём появилось что-то, что нельзя было назвать иначе как настоящим. — Ты не имеешь права держать меня здесь. Я человек. Я не твой подданный, не твоя собственность, не твоя гостья — я вообще не должна была здесь оказаться, и это не мой выбор, и не твой выбор решать, остаюсь я или нет. У меня есть жизнь. Есть люди, которые меня знают. Есть мир, в котором я жила — и в который я вернусь, потому что это моё право, и никакой король никакого демонского государства не может просто вот так взять и решить за меня, что—

Она остановилась. Не потому что выдохлась — скорее потому что поняла, что говорит уже не мне, а куда-то в пространство. Сжала зубы. Смотрела на меня.

Я не двинулся с места.

Ярость в ней была живой — не показной, не рассчитанной. Это была настоящая злость человека, который привык отстаивать своё место в мире, где его никто не держал. Я слышал это в интонации — не слова, слова были понятны и необязательны. Под словами было другое: усталость, которую она не называла. Что-то одинокое, которое она прятала за прямым взглядом и ровной спиной.

Я знал этот звук.

Не потому что сам когда-либо кричал. Я не кричал — это было привилегией тех, кому позволено было требовать. Но я знал, откуда берётся этот звук, когда человек стоит совсем

один и всё равно говорит вслух, потому что молчать — значит согласиться с тем, что тебя не существует.

Это было неожиданно.

Я не рассчитывал, что что-то в ней окажется для меня неожиданным.

— Ты в безопасности, — сказал я.

Тише, чем обычно. Я это слышал сам — слышал, что голос лёг иначе, и не стал его поправлять.

Она моргнула. Один раз.

— Это... — Она начала и замолчала. Снова начала: — Это всё, что ты можешь мне сказать?

— На сегодня — да.

Я развернулся и пошёл к двери.

За спиной — тишина. Не та, что бывает, когда человеку нечего ответить. Другая — тяжёлая, сжатая, как воздух перед грозой. Она молчала, и это молчание было громче любого слова, которое она могла бы бросить мне вслед.

Я вышел и закрыл дверь за собой.

Коридор был пуст. Факелы горели ровно — без движения воздуха, без сквозняка. Я стоял секунду, не двигаясь, и слушал тишину с той стороны двери.

Ничего.

Она не ударила по двери. Не крикнула. Не заплакала — я был достаточно уверен, что не заплачет, но всё равно ждал.

Ничего.

Я пошёл по коридору.

И думал — уже не пытаясь не думать — что существо из другого мира, которое стоит посреди незнакомого дворца в мятой блузке с чужой вечеринки и задаёт три вопроса чётко, без дрожи, — это не то, с чем я сталкивался прежде.

Это не было проблемой.

Я сказал себе это достаточно убедительно, чтобы продолжать идти.

* * *

Дворец засыпал постепенно — я слышал это по тому, как сходили на нет звуки: шаги в коридоре, приглушённый разговор где-то в западном крыле, звон посуды на кухне три этажа вниз. Потом — ничего. Только огонь в камине и негромкое потрескивание дерева.

Я сидел в кресле у огня уже достаточно долго, чтобы понять: сегодня я не буду читать. Бумаги с донесениями лежали нетронутыми на столе. Там было несколько вопросов, требующих ответа, — что-то по северной границе, что-то по торговому соглашению с соседями. Всё это подождёт до утра. Или не подождёт — и тогда советники придут с раздражёнными лицами, и я выслушаю их, и дам ответ, и это будет правильный ответ, потому что я двести пятьдесят лет давал правильные ответы.

Сейчас меня это не занимало.

Я смотрел на огонь и думал о том, как она стояла посреди комнаты.

Не у стены — я это заметил сразу. Не в углу, не прижав-

шись к чему-нибудь за спину. Посреди. Это был маленький выбор, почти бессознательный, но он многое говорил о человеке. О том, привык ли он прятаться.

Она не прятала взгляда. Смотрела прямо — со злостью, с требованием, с чем-то, что я затруднился бы назвать одним словом. И говорила о своей жизни. Не о моей воле. Не о моём решении. О своей жизни — как о чём-то, что существует и имеет значение независимо от того, нахожусь ли я рядом.

Я попытался вспомнить, когда в последний раз кто-то говорил со мной вот так.

Не о делах государства. Не с просьбой или донесением. А о себе — о людях, которых знает, о мире, к которому принадлежит. Я перебирал годы назад — десятилетиями, быстро, как перелистывают страницы книги, которую давно читал. Ничего подходящего не нашлось.

Это было странно осознавать.

Двести пятьдесят лет — это очень долго. Достаточно долго, чтобы привыкнуть к тому, как устроен мир вокруг тебя. Смертные, которых я видел, были напуганы или покорны. Иногда то и другое сразу — это был наиболее распространённый вариант. Демоны при дворе умели говорить только о власти — о своей или моей, что, по существу, одно и то же. Наложницы молчали или говорили то, что от них ждали. Советники взвешивали каждое слово на предмет выгоды.

Она не делала ничего из этого.

Я не называл это добродетелью. Это было просто фактом

— таким же, как то, что у неё светлые волосы или что она пришла из другого мира в белой блузке с чужой вечеринки. Просто факт, который не укладывался ни в одну из привычных категорий. Опасная. Глупая. Интересная. Покорная. Ни одно слово не подходило точно. Каждое обрезало что-то лишнее.

Огонь потрескивал.

Я думал о том молчании — после моих слов. «Ты в безопасности». Она моргнула один раз и замолчала. Не потому что согласилась. Не потому что успокоилась. Там было что-то другое в этом молчании — я чувствовал это даже сейчас, на расстоянии, сидя у своего камина. Что-то, что она не сказала. Что-то, что она решила не говорить — выбрала тишину вместо слова.

Я хотел знать, что это было.

Это желание я заметил так отчётливо, что остановился на нём. Просто остановился и посмотрел на него — как смотрят на предмет, который нашли не там, где ожидали. Я хотел знать. Не потому что это было политически важно. Не потому что это касалось Террании или моих решений. Просто хотел — и это было само по себе достаточно редким явлением, чтобы на него обратить внимание.

Я встал.

Подошёл к окну. За стеклом — ночь над городом, тысячи огней внизу, у подножия горы. Город жил даже ночью, по-своему, вполголоса. Я смотрел на это каждую ночь уже

столько лет, что огни давно перестали казаться мне чем-то, о чём стоит думать. Они просто были. Как и всё остальное в моём мире.

Это моё королевство. Каждый огонь внизу — это подданный, дом, жизнь, которая существует потому, что я держу порядок на этой земле. Я знал цену этому. Я платил её давно и без сожалений.

Но сейчас я стоял у окна и думал не о цене. Не о порядке. Не о северной границе и не о торговом соглашении.

Я думал о том, как она снова посмотрит на меня.

Завтра. Или послезавтра — когда она успокоится достаточно, чтобы снова требовать. Она будет требовать — я в этом не сомневался. Это был человек, который не умел подолгу молчать из покорности. Она придёт с вопросами. Встанет посреди комнаты, а не у стены. Посмотрит прямо.

И я не знал, что мне с этим делать.

За всё время — за двести пятьдесят лет — это был, пожалуй, один из немногих случаев, когда я не знал ответа заранее. Не из-за сложности вопроса. Не из-за нехватки информации. Просто потому, что существо из другого мира, в мятой белой блузке, которое не опускало глаза и говорило о своей жизни как о чём-то, что имеет значение, — это было не то, для чего у меня был готовый ответ.

Огни внизу горели ровно и спокойно.

Я стоял у окна и ждал — сам не понимая чего.

Глава 3

Я проснулась раньше, чем успела понять, где нахожусь.

Несколько секунд просто лежала, глядя в потолок — высокий, каменный, с тонкой резьбой по краю, которая уходила в тень. Потом вспомнила всё сразу, одним куском: вечеринка, голос, покои с тяжёлыми портьерами, и он — с этим взглядом, от которого хотелось либо врезать, либо выйти из комнаты первой.

Я выбрала второе. Правильно сделала.

Злость не прошла за ночь. Просто... остыла немного. Как угли, которые перестают гореть, но жар держат ещё долго. Я это чувствовала где-то под рёбрами — не горячее и острое, как вечером, а тяжёлое и ровное. Холодная злость, пожалуй, хуже горячей. С горячей можно что-то сделать. Холодная требует терпения.

Я огляделась.

Роскошь давила — спокойно, без усилия, как что-то самоочевидное. Постель была такой, что на неё хотелось смотреть, а не лежать: ткань слишком тёмная и тяжёлая, подушки слишком правильно расставлены. Камин уже погас, но в комнате было тепло — ровно, равномерно, словно кто-то отрегулировал температуру заранее. На столе у окна — ваза с цветами, которых я не знала: бледно-лиловые, с почти чёрными прожилками, с запахом, похожим на можжевельник и

ещё что-то незнакомое.

Я встала и не стала смотреть на всё это с удовольствием.

Красиво. И что?

Дверь открылась тихо — не скрипнула, не стукнула. Девушка вошла с подносом: невысокая, темноволосая, с очень прямой спиной и таким выражением лица, словно весь мир был для неё понятен и упорядочен. Никакого страха. Никакого сочувствия. Просто человек, выполняющий работу.

— Доброе утро, — сказала она, поставила поднос на стол и отодвинула вазу чуть в сторону — точно настолько, чтобы хватило места. Движения выверенные, без лишнего.

— Лира, — сказала я. Я запомнила имя с вечера.

Она кивнула.

— Ты приставлена ко мне по его приказу?

— Да.

Прямо. Не стала делать вид, что иначе. Я это отметила.

На подносе была еда — что-то похожее на хлеб, тёмный и плотный, немного фруктов с незнакомой кожицей, небольшой кувшин с чем-то горячим. Я взяла чашку, понюхала. Что-то травяное, чуть горьковатое. Не кофе. Но горячее — и это было хорошо.

— Ты можешь рассказать мне, что это за место? — спросила я, стараясь звучать просто любопытно, а не так, как на самом деле: как человек, который мысленно чертит карту с первой минуты.

Лира чуть помолчала. Не уклончиво — скорее как чело-

век, который прежде чем ответить, взвешивает, что именно отвечать.

— Анкорапир, — сказала она. — Мир, разделённый на несколько государств. Это Террания. Государство короля Эрика.

— Государств несколько, — повторила я. — У каждого свой правитель?

— Да. И свои законы. Единственное общее правило — не заходить на чужую территорию. Это считается объявлением войны.

Я сделала глоток. Горьковато. Терпимо.

— А здесь, при дворе — как устроено? Кто принимает решения, кроме него?

— Совет советников. Но последнее слово всегда за королём.

Понятно. Вертикаль.

Я смотрела в окно, пока она говорила — дальше, вниз. Там, за стеклом, уходил склон горы: парки, дальше темнее, гуще, и где-то ещё дальше, у подножия, угадывался город. Смутно, но угадывался.

Лира говорила коротко и точно — без лишнего, но и без очевидных пропусков. Иерархия при дворе. Служащие. Слуги. Советники. Я слушала и запоминала — укладывала всё в порядке, как карточки, которые потом можно перебрать.

— Демоны живут долго? — спросила я, почти между делом.

— Тысячи лет, — ответила Лира просто, будто это не было ничем особенным.

Я поставила чашку.

Тысячи лет. Не метафора. Просто — так. Это значило, что время здесь работает иначе, что их терпение — другого масштаба, что понятие «переждать» здесь не значит вообще ничего. Я это зафиксировала где-то глубоко, туда, куда складывала всё важное.

— А законы? Ну, не политические. Физические, что ли. Здесь есть что-то, чего не может даже король?

Лира посмотрела на меня чуть внимательнее. Первый раз за разговор.

— Есть, — сказала она. — Но это долгий разговор.

— У меня, кажется, много времени, — ответила я.

Она снова помолчала. Потом поставила поднос чуть ровнее — просто так, машинально — и, кажется, приняла какое-то внутреннее решение.

— Потом, — сказала она. — Если захочешь — расскажу.

Это уже не «нет». Это «позже». Разница есть.

Я подошла к окну ближе. Смотрела вниз — на парки, на деревья, которые начинались у края каменной террасы и уходили вниз по склону, становясь гуще и темнее.

— А лес? — спросила я. — И город внизу. Туда можно?

Пауза.

Короткая. Почти незаметная. Но я её услышала.

— Тебе туда нельзя, — сказала Лира.

Ровно. Без извинений, без объяснений. Факт.

Я смотрела на деревья внизу. На то, как они смыкались, темнели, уходили вниз — к городу, к людям, к чему-то, что было не этим дворцом.

Тебе туда нельзя.

Я мысленно переставила слова. Убрала «тебе» и «нельзя». Осталось: лес и город — вот куда идти.

— Понятно, — сказала я вслух.

Лира смотрела на меня — прямо, спокойно. Не враждебно. Не сочувственно. Просто смотрела, как человек, который выполняет работу и пока не понял, чем именно она закончится.

Я решила, что это можно изменить.

Не сейчас. Не сегодня. Но она отвечала. Она говорила. И она сказала «потом» — а не «это не твоё дело». Значит, внутри этого «потом» есть что-то, на что можно опереться.

Я взяла кусок хлеба с подноса. Тёмный, плотный, с запахом, который я не могла опознать.

— Спасибо за завтрак, — сказала я.

Лира кивнула.

За окном деревья стояли тихо, густо, далеко внизу.

* * *

Лира вернулась к своему делу — перекладывала что-то в шкафу, негромко, с привычной сноровкой — и я решила, что давить бесполезно. Прямые вопросы она отбивала вежливо, но твёрдо. Значит, нужно было зайти иначе.

Я снова подошла к столу. Взяла чашку. Сделала несколько глотков и просто помолчала.

Это потребовало усилий.

— Ты давно здесь служишь? — спросила я наконец. Без цели, почти лениво. Просто разговор.

Лира обернулась.

— Достаточно долго, — ответила она.

— Это уклончивый ответ.

— Это точный ответ. — Короткая пауза. — Около восьмидесяти лет.

Восемьдесят лет на одном месте. Я мысленно переварила это и не подала вида.

— Значит, ты знаешь всё, что здесь происходит.

— Я знаю то, что мне положено знать.

— А то, что не положено?

Лира почти улыбнулась. Почти — уголок рта, не больше.

— Тоже знаю, — сказала она. — Но это другой разговор.

Вот так. Она уже говорила свободнее. Я подтянула табурет и снова села — не напротив, а чуть вбок, как будто просто устроилась удобнее. Без нажима.

— Расскажи мне про демонов, — сказала я. — Не про иерархию. Про природу. Ты начала вчера — про долголетие.

Лира несколько секунд смотрела на меня. Потом поставила то, что держала в руках, и тоже взяла стул.

— Хорошо, — сказала она ровно. — Демоны живут долго — ты уже знаешь. Тысячи лет. Но за это приходится платить.

Природа требует своего.

Она говорила коротко, без украшений. Демонам нужна близость — не как желание, а как необходимость. Как воздух, только иначе. Без этого они слабеют — медленно, но верно. Иерархия во многом построена на этом: чем выше демон, тем сильнее потребность, тем важнее её удовлетворить.

Я слушала и укладывала всё в голове. А потом Лира добавила, почти между делом:

— Людская девственность — особое дело. Для демона это прирост силы. Значительный.

Я подняла взгляд.

— Значительный — это насколько?

— Зависит от демона. — Лира говорила ровно, без интонации. — Для сильного — как вспышка. На время, но ощутимо.

Я это уже слышала краем уха — где-то, мельком, когда ещё пыталась понять, куда вообще попала. Но теперь это легло в другую рамку. Стало не просто фактом, а ресурсом. Чем-то, что у меня есть и что здесь явно ценится.

Я поставила чашку.

— А закон насчёт короля, — сказала я, как будто это была следующая строчка в том же списке. — Про брак. Лира говорила, что есть правила.

Лира смотрела на меня спокойно.

— Король обязан взять в жёны демоницу, — сказала она. — Это не просто традиция. Это закон Анкорапира. Совет

следит за его соблюдением.

— А если нарушить?

— Совет не позволит.

Я кивнула медленно. Снаружи — просто принимаю информацию. Внутри — уже переставляла детали. Значит, моё присутствие здесь уже само по себе было нарушением какого-то порядка. Чем-то, что создавало давление не только на меня, но и на него. Это было интересно. Не успокоительно — но интересно.

— Лира, — сказала я, — а как человек вообще может оказаться в Анкорапире? Это же не... обычное дело, я так понимаю.

Пауза.

Не долгая. Секунды три. Но Лира перестала смотреть мне в глаза — взгляд ушёл чуть в сторону, к окну.

— Такое случается редко, — сказала она.

— Как именно?

— Это... не мне объяснять.

Вот оно. Граница. Чёткая, как стена. Она не уклонялась — она просто закрылась, и это было другое, не то молчание, которое можно подождать. Это было: здесь я не говорю, и не потому что не знаю.

Я запомнила.

Мы помолчали. Лира поднялась — поправила складку на переднике, машинально — и снова взялась за поднос.

— У тебя есть семья? — спросила я. Сама не поняла, по-

чему. Просто спросила.

Лира остановилась.

— Была сестра, — сказала она после паузы. Тихо, не в мою сторону — почти себе. — Давно.

Что-то в этом «давно» было такое, что я не стала переспрашивать. Восемьдесят лет службы. Тысячи лет жизни. Я не знала, что значит потерять кого-то, когда времени вот столько, — и не была уверена, что хочу знать.

— Прости, — сказала я. Просто так. Без расчёта.

Лира посмотрела на меня — коротко, внимательно. Как будто это было чуть неожиданно. Потом кивнула, и в этом кивке было что-то живое — не слуга, не приставленная охрана, а человек, которому сказали что-то нормальное.

Что-то между нами сдвинулось. Совсем немного. Но я это почувствовала.

Лира взяла поднос и направилась к двери.

Я осталась у окна.

Итак: девственность — ресурс. Закон о браке — точка давления. Как попадают в Анкорапир — тайна, которую от меня намеренно держат. Лес и город — запрещены, что значит — там есть путь.

Я перебрала всё это спокойно, как карточки. Страх был — я его не отрицала. Просто называла его про себя правильным именем: разумная осторожность перед первым шагом.

Шаг я уже почти видела.

* * *

Я вышла в парк с видом человека, которому просто нужен воздух.

Неторопливо. Почти скучающе. Руки заложила за спину, чтобы не было видно, как сжаты пальцы.

Лира осталась у входа — я слышала, как она что-то тихо сказала одному из слуг, пока я шла по дорожке. Не остановила. Не пошла следом. Хорошо.

Шаг первый. Шаг второй. Я считала не шаги — я считала расстояние до линии деревьев.

Парк оказался огромным. Я не ждала такого. Дорожки выложены чем-то светлым, похожим на полированный камень, — и уходили вперёд плавными изгибами, мимо клумб с цветами таких оттенков, каких я никогда не видела: не синих и не фиолетовых, а что-то посередине, с золотой серединой, которая, кажется, слегка светилась. Деревья стояли рядами — высокие, с гладкой тёмной корой и листьями, которые звенели при малейшем ветре, как тысяча тонких пластин. Где-то впереди журчала вода.

Я ненавидела, что это красиво.

Злость подкатила неожиданно, острая и почти смешная по своей нелогичности. Но я понимала её: это была не красота места — это была красота ловушки. Кто-то потрудился создать здесь именно то, что не хочется покидать. Просторные дорожки. Прохладный воздух с запахом чего-то смолистого. Скамейки в тени. Пленница не должна скучать — иначе начнёт думать.

Я думала.

Я шла медленно, пока не оказалась достаточно далеко от входа, чтобы за мной не наблюдали с порога. Потом остановилась у куста с мелкими белыми цветами, наклонилась к ним — как будто рассматриваю. Боковым зрением проверила: никого рядом. Два садовника у дальней стены — спиной. Никаких стражников в поле видимости.

Значит, они либо не приставлены к этой части парка, либо не считают её опасной.

Я распрямилась и пошла к краю.

Деревья становились гуще ближе к северу — там, где парк переходил во что-то другое. Сад заканчивался, начинался лес: стволы стояли плотнее, земля под ногами мягчела, вместо полированных плит появилась трава, потом хвоя. Линия была нечёткой — никакого забора, никакой стены. Просто в один момент я поняла, что деревья вокруг уже не те, что в парке.

Я сделала шаг туда. Потом ещё один.

Никто не закричал. Никто не схватил меня за плечо.

Я шла быстрее.

Лес был тёмным даже сейчас, когда снаружи стоял день, — кроны смыкались вверху, и свет пробивался сквозь них узкими косыми полосами, как через жалюзи. Под ногами — корни, мох, сырая земля. Я не знала, в каком направлении идти, но логика говорила: гора — значит вниз. Склон должен идти к городу. Лира сказала, что внизу — город. Город —

это люди. А где люди, там должны быть способы.

Я почти бежала.

В голове что-то распрямилось, стало легче — то ощущение, когда план, существовавший только в виде идеи, вдруг начинает работать. Получилось. Получается. Я думала: парк, потом лес, потом склон, потом —

Они появились из ниоткуда.

Двое. Молча. Встали передо мной, как будто выросли из-за стволов, — без лязга оружия, без угрозы в позе. Просто стояли. Рослые, в тёмном, с выражением людей, которым скучно и которые сделают своё дело вне зависимости от того, что я скажу.

Я попыталась пройти справа.

Тот, что стоял справа, сместился.

Слева — то же самое.

— Пропустите, — сказала я.

Тишина. Ни один не посмотрел на меня с интересом. Ни один не посмотрел с сочувствием. Просто — стояли.

Я повысила голос:

— Я сказала: пропустите.

Ничего. Как будто я говорила со стволами. Я сделала шаг вперёд, почти вплотную к тому, что стоял посередине — плечи шире двери, взгляд поверх моей головы, — и он не отступил ни на сантиметр.

Ярость поднялась горлом, горячая и бессильная. Я знала, что кричать бесполезно. Знала — и всё равно развернулась,

сделала несколько шагов назад, к склону. Там, сквозь деревья, сквозь просвет между стволами, внизу ...

Город.

Я увидела его. Крыши, улицы, что-то вроде башен, дым от очагов — всё это было близко, рукой подать, наверное, с полчаса пешком вниз по склону. Отсюда он казался настоящим, живым, населённым. Настоящей жизнью, которая не имела ко мне никакого отношения.

Моя жизнь была там. Не в городе — дальше. За горой, за лесом, за каким-то разломом между мирами. Там, где Анна сейчас, наверное, ищет меня взглядом на вечеринке, или не ищет ещё, или...

Я не дала себе додумать.

Злость была правильнее. Злость не давала дышать через горло.

Я стояла между двумя стражниками и смотрела на город внизу — близкий и бесконечно далёкий одновременно, — и что-то внутри сжалось так сильно, что на секунду мне показалось: сейчас я всё-таки заплачу. Просто от этого — от расстояния, которое измеряется не километрами.

Не заплакала.

Зажмурилась. Раз. Два. Открыла глаза.

Город всё ещё был там.

Я развернулась — спиной к склону, спиной к этому виду — и пошла обратно. Не потому что сдалась. Потому что первый шаг не сработал, а значит, нужен второй. Другой.

Я буду думать.

* * *

Он стоял между деревьями.

Не шёл ко мне, не окликал — просто стоял, как будто всегда был частью этого леса, как будто вырос здесь вместе с соснами или чем они тут вообще были. Тёмная фигура на фоне просвета, где деревья расступались и за ними угадывалось небо. Голубые глаза — я заметила их издалека, слишком светлые для такого лица, слишком спокойные для ситуации.

Рога.

Каждый раз они меня сбивали. Не потому что страшно — я себе в этом отказывала. Просто никак не укладывалось в схему, которую голова выстраивала про него: правитель, человек с властью, тот, кто держит меня здесь. Рога не вписывались в схему.

Я подняла подбородок.

Стражники за моей спиной не исчезли, но как будто слились с фоном — потому что Эрик был здесь, и всё остальное перестало иметь значение в смысле угрозы.

Он не кричал.

— Ты знала, — сказал он, — что это закончится именно так.

Вот и всё. Никакого «немедленно вернись», никакого «как ты посмела». Просто — констатация. Скучная, ровная, как будто он говорил о погоде. Как будто мой побег был та-

ким предсказуемым, что даже раздражения не вызвал.

Это было хуже крика.

Внутри что-то сжалось — не от страха, от злости, от того, что он прав, и я знала это с самого начала, и всё равно пошла, потому что сидеть и ждать было невыносимо. Злость была горячей, почти приятной — она хотя бы давала ощущение, что я ещё здесь, что я ещё что-то.

— Зачем ты меня держишь?

Мой голос вышел ровнее, чем я ожидала.

— Что тебе нужно? Я тебе что — трофей? Сувенир из другого мира? — Я сделала шаг вперёд, не к нему, но в сторону, какбудто мне нужно было пространство для слов. — Я не вещь. У меня есть жизнь, она там, и ты не имеешь права меня тут держать.

Он молчал.

Молчал ровно столько, сколько нужно, чтобы мои слова повисли в воздухе без ответа — и стали казаться тише, чем были. Как будто воздух здесь был другой, как будто он поглощал всё лишнее и оставлял только суть. А суть была в том, что я стояла в чужом лесу, в чужом мире, и говорила что-то правителю, которому не нужно было ничего объяснять.

Он сделал шаг ко мне.

Я не отступила.

Принципиально не отступила — потому что если отступлю, это будет означать что-то, чего я не хотела признавать. Он подошёл близко. Слишком близко — в моём мире так не

стоят с незнакомыми, в моём мире это называется нарушением границ. Но я осталась там, где стояла, и смотрела ему в лицо.

От него пахло чем-то тёмным. Смолистым — не как хвоя, другое, глубже, как будто этот запах шёл изнутри, был частью него самого. Я почувствовала тепло — просто тепло стоящего рядом тела, ничего больше, и назвала это «раздражением», потому что больше называть было нечем.

Держала взгляд.

Его глаза — спокойные, почти равнодушные — смотрели на меня. Не сквозь меня. Именно на меня, как будто я была задачей, которую он ещё не решил.

— Если ты ещё раз попробуешь уйти, — сказал он, — я возьму тебя силой.

Без интонации. Без угрожающей паузы, без попытки меня напугать. Просто — факт. Так же, как говорят «завтра будет дождь» или «эта дверь заперта».

Вот тут мне стало страшно.

Не от слов — от того, как они были сказаны. Крик можно не воспринимать всерьёз. Угрозу, в которую вложили эмоцию, можно разобрать на части и найти там уязвимость. Но это — равное, прохладное, абсолютно уверенное — не оставляло ни одного зазора, куда можно было бы просунуть возражение.

Он не блефовал.

Я это знала так же точно, как знала, что за деревьями —

город, до которого я никогда не дойду.

Эрик развернулся и пошёл обратно к дворцу.

Не оглянулся. Просто пошёл, как будто всё уже было сказано и моё присутствие рядом было чем-то само собой разумеющимся — как тень, которая следует за источником света без всякого желания и выбора.

Я стояла секунду.

Смотрела в его спину — прямую, без напряжения, без торопливости. Деревья вокруг. Стражники где-то сзади — я уже не слышала их, но знала: они там. Город внизу, невидимый отсюда, но живой. Анна где-то там, в моём мире, на вечеринке или уже нет, я не знала, время шло иначе, и...

Я пошла следом.

Не потому что сдалась. Я говорила это себе отчётливо, почти по слогам, шагая между деревьями по той же дорожке, которую он прошёл впереди. Не потому что сдалась. Потому что первый шаг не сработал. Нужен второй. Другой.

Злилась на него — за спокойствие, за этот голос без интонации, за то, что пришёл лично, а не прислал кого-то.

Злилась на себя — за то, что иду. За то, что заметила запах.

И ещё что-то — тихое, неназванное, которое сидело где-то между рёбрами и не хотело никуда уходить.

Это что-то я не стала называть.

* * *

Лира стояла у окна, когда я вошла.

Не смотрела на меня. Не спрашивала. Просто стояла — руки сложены перед собой, лицо спокойное, будто я отлучилась за стаканом воды, а не уходила через весь парк в сторону леса, из которого меня лично вернул король.

Это молчание оказалось хуже любых слов.

Я прошла мимо неё, села на широкий подоконник с другой стороны окна — там было достаточно места, чтобы подтянуть колени к груди — и уставилась вниз, на парк. На аккуратные дорожки между деревьями, на далёкий блеск воды где-то в глубине садов. Красиво. Ненавижу это место.

Прокрутила всё заново.

Его шаг вперёд — один, короткий, но достаточный, чтобы расстояние между нами перестало быть нормальным. Запах смолы и чего-то более глубокого, не похожего ни на что, что я знала. Голос без интонации: *если ты ещё раз попробуешь уйти, я возьму тебя силой*. Не угроза — диагноз. Не обещание — факт из какого-то его собственного справочника реальности, где он уже проверил и убедился.

Я не знала, что именно это значит.

На Земле я бы знала. На Земле у меня было достаточно воображения и достаточно страха, чтобы понять, что имеет в виду незнакомый мужчина, говорящий такие слова в лесу. Но здесь — здесь демоны живут тысячами лет. Здесь у них рога и законы, которых я не знаю. Здесь сила — не метафора, а что-то буквальное, встроенное в природу. И я понятия не имела, что именно Эрик считает допустимым способом

удержать человека, который пытается уйти.

Это незнание было страшнее, чем если бы я знала точно.

— Всё в порядке? — спросила Лира.

Тихо. Осторожно. Как спрашивают, когда не уверены, хотят ли услышать правду.

Я не стала оборачиваться.

— Расскажи мне про ритуалы. — Пауза. — Про то, как люди уходят отсюда. Возвращаются в другой мир.

Тишина была достаточно долгой, чтобы в ней успело что-то произойти. Я наконец повернула голову.

Лира смотрела на меня. Не с жалостью — скорее с чем-то похожим на взвешенность, будто прикидывала, сколько правды уместится в одном ответе.

— Таких ритуалов нет, — сказала она.

Я кивнула.

Нет — не значит невозможно. Нет — значит никто не искал. Или искал не там. Или те, кто мог знать, не были заинтересованы в том, чтобы это знание существовало в удобном, доступном виде.

Информация — это тоже форма заточения. Я это поняла ещё в детском доме: если не знаешь правил, ты не можешь ни нарушить их осознанно, ни обойти. Тебя держат не замком, а пробелом в карте.

Ладно. Значит, буду строить карту.

Лира ушла тихо, как приходила — предупредила, что оставит ужин на столе, и закрыла дверь без щелчка, почти

бесшумно. Я осталась одна.

За окном темнело. Не резко — постепенно, мягко, как будто кто-то убавлял свет рукояткой. Город внизу оставался невидимым — слишком далеко, слишком глубоко под горой — но я знала, что он там есть. Я видела его очертания раньше, с другой стороны дворца. Живой. Населённый. С улицами и, возможно, с кем-то, кто знает больше, чем Лира позволяет себе говорить.

Первая попытка провалилась.

Я произнесла это мысленно спокойно, без самоедства. Не катастрофа — данность. Лес закрыт. Город закрыт. Прямой выход исключён. Значит, нужен другой путь: информация, союзники, понимание механики этого мира. У меня уже есть Лира, которая отвечает на вопросы, пусть и дозированно. У меня есть окно с видом на парк. У меня есть голова на плечах.

Злость на Эрика была настоящей. Я не собиралась это оспаривать — он удерживал меня здесь против воли, говорил тоном, который не предполагал возражений, и смотрел на меня как на задачу, требующую решения. За это злиться — правильно. Это нормальная реакция нормального человека на ненормальную ситуацию.

Но то, что я почувствовала, когда он стоял рядом — тепло, запах, что-то в грудной клетке, что не хотело уходить, — это была биологическая реакция на близость потенциальной угрозы. Адреналин. Обострённое восприятие. Ничего боль-

ше.

Я закрыла эту тему.

За окном в темнеющем небе над горой появились первые звёзды — не такие, как дома, чуть крупнее, будто кто-то поставил их чуть ближе. Я смотрела на них и думала о том, что Анна сейчас, вероятно, ищет меня на вечеринке или уже перестала, или время там вообще идёт иначе и для неё не прошло ничего.

А потом я подумала об Эрике, который ушёл к дворцу не оглядываясь.

Прямая спина. Ровный шаг. Абсолютная уверенность в том, что я пойду следом.

Самое неприятное было в том, что он оказался прав.

Значит, в следующий раз надо придумать что-то, чего он не предусмотрит.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.